

Наследие Петра Великого и современное военно-уголовное право России

Аннотация. Система воинских преступлений как деяний, посягающих на военную безопасность России, в УК РФ была ориентирована исключительно на условия мирного времени. В условиях специальной военной операции на территории Украины потребовалась срочная корректировка уголовного законодательства. Для этого использовался законодательный опыт не только советского, но и досоветского периода. При этом явно недооценено значение военно-уголовного законодательства Петра Великого, в том числе идей о соучастии гражданских лиц в воинских преступлениях, о деятельном раскаянии дезертира, о составах сдачи крепостей, капитуляции и сношения с неприятелем, сдачи неприятелю военного корабля, мародерства как преступления, посягающего прежде всего на интересы мирного населения. Реформирование российского военно-уголовного законодательства и законодательства о преступлениях, посягающих на национальную безопасность России, не следует считать законченным.

Ключевые слова: военная безопасность, национальная безопасность, военно-уголовное законодательство, артикулы Петра Великого, мародерство, сдача противнику укрепленных районов, вооружения и военной техники.

**Алексей Иванович
РАРОГ,**

профессор кафедры
уголовного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель
науки РФ
alek.rarog@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.029-038

Alexey I. RAROG,

Professor of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor,

Honored Scientist of the Russian Federation

alek.rarog@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Legacy of Peter the Great and Modern Military Criminal Law of Russia

Abstract. The system of military crimes as acts encroaching on the military security of Russia in the Criminal Code of the Russian Federation was focused exclusively on peacetime conditions. In the context of a special military operation on the territory of Ukraine, an urgent adjustment of criminal legislation was required. For this purpose, the legislative experience of not only the Soviet, but also the pre-Soviet period was used. At the same time, the importance of Peter the Great's military criminal legislation is clearly underestimated, including ideas about the complicity of civilians in military crimes, about the active repentance of a deserter, about the composition of

© Пагор А. И., 2024

the surrender of fortresses, surrender and communication with the enemy, the surrender of a warship to the enemy, looting as a crime encroaching, first of all, on the interests of the civilian population. The reform of Russian military criminal legislation and legislation on crimes that infringe on Russia's national security should not be considered complete.

Keywords: *military security, national security, military criminal law, articles of Peter the Great, looting, surrender of fortified areas, weapons and military equipment to the enemy.*

Военная безопасность, выступающая в качестве объекта воинских преступлений, является одним из важнейших элементов национальной безопасности Российской Федерации¹. Эффективность обеспечения военной безопасности в значительной мере определяется качеством военно-уголовного законодательства. Между тем сложившаяся к концу XX в. система военно-уголовного законодательства РФ не отражала структуру интересов военной безопасности и не в полной мере обеспечивала уголовно-правовую охрану всех ее элементов².

Основным недостатком системы воинских преступлений была ее ориентированность исключительно на условия мирного времени. Из этого следовало, во-первых, что ответственность за предусмотренные Уголовным кодексом преступления, если они будут совершены не в мирное время, должна наступать не по УК РФ, а по другому (специальному) закону, который не существовал в момент вступления в силу УК РФ и не появился впоследствии. Во-вторых, в главе УК РФ о воинских преступлениях не были и не могли быть предусмотрены составы преступлений, которые являются воинскими в узком смысле этого слова, т.е. преступлений, возможных *только* в условиях вооруженного столкновения с противником.

Поскольку российский УК принимался в то время, когда наше общество находилось в плену наивных иллюзий о возможной дружбе со всеми государствами и слепо верило любым обещаниям зарубежных лидеров, закону о преступлениях военнослужащих в период вооруженного противостояния никакого внимания не было уделено. В результате наше уголовное законодательство оказалось абсолютно не готово к новым реалиям, связанным с началом и течением СВО на территории Украины, поэтому потребовались срочные меры по реформированию гл. 33 УК РФ. В этом процессе вполне уместным было обращение к советскому опыту и к военно-уголовному законодательству Петра Великого, историческое значение которого было явно недооценено в постсоветский период³.

¹ См.: Зателепин О. К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999 ; Золотарев В. А. Военная безопасность России: политико-правовые проблемы : дис. д-ра юрид. наук. М., 1999 ; Евтушенко С. Г. Правовое обеспечение военной безопасности России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

² См.: Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII — начало XX в.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2006. С. 9—10.

³ См.: Туркин А. А. Воинские преступления в «Артикуле воинском» Петра Великого // Ученые записки ДЮИ. Ростов н/Д, 2005. Т. 28. С. 145—149.

Прежде всего это касается проблемы соучастия гражданских лиц в воинских преступлениях, которая за все годы советской власти окончательно не была решена ни на законодательном, ни на правоприменительном уровне. Законодательство Петра I решало эту проблему очень просто: в соответствии с легальным толкованием Артикула 95 все лица, укрывающие дезертира или предоставляющие ему пропитание, наказываются так же, как сам дезертир, поэтому судам вменялось в обязанность по каждому делу устанавливать и наказывать пособников и укрывателей. Сходным было решение этой проблемы в УК РСФСР 1922 г.: «Подстрекательство, а равно и способствование к совершению предусмотренных настоящей статьей деяний карается — как непосредственное совершение этих деяний» (ч. 4 ст. 204).

Существенным препятствием к разрешению указанной проблемы стало законодательное положение о том, что специальными воинскими преступлениями признаются такие деяния, «которые по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе» (ст. 200 УК РСФСР 1922 г. Почти буквально эта характеристика воспроизведена в ст. 193.1 УК РСФСР 1926 г.). Нечеткость законодательной формулировки порождала вопрос: гражданские лица не могут *вообще* нести ответственность за воинские преступления или только в качестве исполнителей.

Не внес ясности в означенный вопрос и УК РСФСР 1960 г., установивший в ч. 3 ст. 237, что «соучастие в воинских преступлениях лиц, не упомянутых в настоящей статье, влечет ответственность по соответствующим статьям настоящего Кодекса». По сути, закон не определил, идет ли речь о статьях главы УК о воинских преступлениях или о других его главах. Эта неопределенность обострила дискуссию о соучастии гражданских лиц в воинских преступлениях. По данному вопросу было написано множество научных работ⁴, но единства мнений достичь не удалось. Не было единообразного понимания соучастия в воинских преступлениях и в практике военных судов.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс РФ тоже не смог поставить точку в проблеме соучастия в преступлениях со специальным субъектом. Не затронув этого вопроса в гл. 31 УК, законодатель попытался решить его в общем плане, установив, что «лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора,

⁴ См.: *Меньшагин В. Д.* К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву // Труды ВЮА. 1943. Вып. 3. С. 80—95; *Малахов И. П.* Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960; *Алексеев В. А.* Соисполнительство в воинских и других преступлениях со специальным субъектом // Правоведение. 1991. № 2. С. 68—71; *Смердов А. А.* Квалификация соучастия в воинских преступлениях, совершенных путем насилия над военнослужащими // Вопросы совершенствования законодательства об уголовной ответственности военнослужащих : материалы 10-го теоретического семинара, проведенного на военно-юридическом факультете 23 января 1989 г. / Воен. ин-т. М., 1991. С. 54—57.

подстрекателя либо пособника» (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Недосказанность правовой позиции законодателя состоит в том, что она не учитывает относительно редкой возможности участия в воинском преступлении гражданского лица, которое непосредственно выполняет хотя бы часть объективной стороны воинского преступления, т.е. исполнительскую функцию (например, вместе с солдатом, оказывающим сопротивление начальнику, наносит удары потерпевшему).

По этому вопросу специалистами в сфере военно-уголовного права предлагались два основных решения. Преобладающим оказалось мнение, что в насильственных воинских преступлениях действия гражданского лица, совместно с военнослужащим применяющего насилие к потерпевшему, следует рассматривать как специфическую, не названную в законе разновидность пособничества и квалифицировать по соответствующей норме о воинском преступлении со ссылкой на ч. 4 ст. 34 (а не на ч. 5 ст. 33) УК РФ⁵.

Сходную позицию занял и Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении от 18 мая 2023 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указал: «В тех случаях, когда такое лицо (не военнослужащий. — *А. Р.*) совместно с военнослужащим непосредственно участвует в совершении преступления против военной службы, например оказывает сопротивление патрульному наряду при задержании военнослужащего и применяет насилие в отношении патрульных, действия военнослужащего необходимо квалифицировать по части 1 статьи 333 УК РФ, а содеянное гражданским лицом с учетом положений части 4 статьи 34 УК РФ — по части 5 статьи 33 и части 1 статьи 333 УК РФ».

Проанализировав обширную литературу, О. К. Зателепин делает вывод: «На наш взгляд, особой формой пособничества будет являться участие в совершении преступления со специальным субъектом»⁶ — и предлагает дополнить ч. 5 ст. 33 УК РФ, предусмотрев еще одну форму пособнических действий, а именно «участие лица, не являющегося субъектом преступления, специально указанного в соответствующих статьях Особенной части настоящего Кодекса, в непосредственном совершении этого преступления»⁷.

Изложенная позиция представляется далеко не безупречной. Ведь ч. 5 ст. 33 УК РФ содержит, по общему признанию, исчерпывающий перечень форм

⁵ См.: *Ахметшин Х. М.* Советское военно-уголовное законодательство. М., 1972. С. 87 ; *Аветисян С. С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом. М., 2005. С. 415—418 ; *Фаргиев И. А.* Некоторые вопросы соучастия в преступлениях против военной службы // Судебная власть : сб. науч. статей профессорско-преподавательского состава Ростовского филиала Российской академии правосудия и судей Ростовского областного суда, Арбитражного суда Ростовской области, Северо-Кавказского окружного военного суда. Ростов н/Д, 2007. С. 265—271 ; *Шахов А. А., Лепетун К. С.* Квалификация действий лиц, не являющихся военнослужащими, при совершении воинского преступления // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8. С. 38—40.

⁶ *Зателепин О. К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: вопросы теории, законодательства и практики // За права военнослужащих. 2009. Вып. 106.

⁷ *Зателепин О. К.* Указ. соч.

пособничества, ни под одну из которых соисполнительство не подпадает⁸. Представляется, что для решения на законодательном уровне проблемы соучастия лиц, не обладающих признаком специального субъекта, возможны два довольно простых пути.

1. Ввести в число соучастников фигуру соисполнителя, для этого следует: а) исключить из ч. 2 ст. 33 УК взятое в скобки слово «соисполнители»; б) исключить ч. 2 ст. 34 УК; в) дополнить ч. 3 ст. 34 УК указанием на соисполнителя; г) дополнить ч. 4 ст. 34 УК предложением: «Лицо, не обладающее признаком специального субъекта преступления, но непосредственно участвовавшее в его совершении, может нести за него ответственность в качестве соисполнителя».

2. Сделать перечень пособнических действий примерным, дополнить ч. 5 ст. 33 УК словами: «либо содействовавших совершению преступления иным способом».

Заслуживает внимания и положение петровского законодательства о деятельном раскаянии. В Артикуле 96 устанавливалось, что раскаяние беглеца и его добровольное возвращение служило смягчающим обстоятельством, исключающим применение к виновному смертной казни. Советское и современное российское уголовное законодательство знает только одно обстоятельство для возможного освобождения от уголовной ответственности: стечение тяжелых обстоятельств при самовольной отлучке и дезертирстве. Думается, что придание деятельному раскаянию значения обстоятельства, смягчающего наказание, могло бы оказать благоприятное влияние на преступность военнослужащих.

Широкий набор составов воинских преступлений, закрепленных в Уставах Петра I, долгое время не был достаточно востребован уголовным правом России. Однако с началом СВО на территории Украины такая потребность появилась. В статье 275 УК была восстановлена такая форма государственной измены, как переход на сторону противника. Подобно Артикулу 124 (соответственно, артикул 79 Морского устава) в УК РФ появилась ст. 275.1 о сотрудничестве гражданина РФ на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией при отсутствии состава государственной измены (кстати, в УК 1922 г. и 1926 г. подобные нормы вполне обоснованно помещались в главе о воинских преступлениях). Была восстановлена норма о добровольной сдаче в плен (ст. 252.1 УК). Однако целый ряд норм петровского законодательства, нашедших отражение в советских уголовных законах, в действующем российском УК остался невостребованным.

Так, глава 15 Артикула воинского содержала 4 артикула о сдаче крепостей, капитуляции и сношении с неприятелем, а гл. 10 Морского устава (артикулы 72 и 73) — о сдаче неприятелю военного корабля. Эти нормы в своей основе были восприняты и советскими кодексами (ст. 210 УК 1922 г.; ст. 193.20 УК 1926 г.; ст. 261 УК 1960 г.). Например, в соответствии с пунктом «а» ст. 193.20 УК 1926 г. вышей мерой наказания карались «сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил, оставление неприятелю, уничтожение или приведение в негодность начальником вверенных ему укреплений, военных кораблей, военно-летательных

⁸ См. об этом, например: *Возьный А. Я.* Соучастие в преступлениях, посягающих на уставные правила взаимоотношений и личность военнослужащих // Информационный бюллетень Вооруженных Сил. 2002. № 4 (184). С. 14—17.

аппаратов, артиллерии, военных складов и других средств ведения войны, а равно непринятие начальником надлежащих мер к уничтожению или приведению в негодность перечисленных средств ведения войны, когда им грозит непосредственная опасность захвата неприятелем и уже использованы все способы сохранить их, если указанные в настоящей статье действия совершены в целях содействия неприятелю».

Ничего подобного нет в действующем УК РФ. Между тем жизнь свидетельствует о том, что подобные предательские действия могут иметь место и в мирное время, и в боевой обстановке. Так, в 1976 г. советский военный летчик В. Беленко совершил побег в Японию на истребителе МиГ-25 уникальной конструкции с рекордной скоростью и засекреченной аппаратурой. В 1989 г. из авиабазы в Грузии летчик А. Зуев угнал в Турцию самолет МиГ-29. 9 августа 2023 г. капитан М. Кузьминов на военно-транспортном вертолете Ми-8АМТШ с запчастями для боевых истребителей Су-27 и Су-30СМ перелетел через линию соприкосновения и приземлился на территории Украины.

С учетом этих фактов и теоретической возможности новых подобных инцидентов, грозящих катастрофическими последствиями, представляется настоятельно необходимым установление уголовной ответственности военнослужащих за сдачу неприятелю укрепленных районов, вооружения, морских и воздушных судов, другой военной техники. И это должно квалифицироваться не как государственная измена, поскольку ст. 275 УК РФ не знает такой формы изменнических действий, а именно как воинское преступление с санкцией (в полном соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции РФ), включающей смертную казнь.

В связи с развитием отечественного военно-уголовного законодательства заслуживает внимания норма о мародерстве.

Артикул воинский не знал термина «мародерство», однако в гл. 14 («О взятии городов, крепостей, добычей и пленных») устанавливал запрет на ограбление или разрушение школ, церквей и иных духовных домов, а также госпиталей (арт. 104), как и на насилие в отношении женщин, детей, стариков и священников (арт. 105). Гуманное отношение к безоружному населению было нормой и более поздних военно-уголовных законов. Советское уголовное законодательство также исходило из того, что под мародерством понимается «противозаконное отображение при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отображения для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей» (ст. 214 УК РСФСР 1922 г.).

Уголовный кодекс 1926 г. свел мародерство к похищению на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (ст. 193.27), придав «противозаконному отображению имущества под предлогом военной необходимости, совершаемому по отношению к населению в районе военных действий», значение самостоятельного состава воинского преступления (ст. 193.28). Точно так же эти деяния наказывались и по УК РСФСР 1960 г. в ст. 266 (мародерство) и ст. 267 (насилие над населением в районе военных действий).

Закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» частично возвратил составу мародерства то содержание,

которое в него вкладывал УК РСФСР 1922 г., и определил его как «совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)».

Недостаток такого определения видится в том, что в нем объединены и похищение вещей, находящихся при убитых и раненых на поле сражения, и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества. При этом не упоминается, что изъятие имущества осуществляется, во-первых, у гражданского населения, во-вторых, под предлогом военной необходимости, а без этого подобное изъятие является не чем иным, как хищением, хотя и совершенным «в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

В соответствии с названным выше законом норма о мародерстве помещена в гл. 34 УК РФ, следовательно, это преступление должно рассматриваться как преступление против мира и безопасности человечества. Такое решение представляется сомнительным, поскольку мародерство, во-первых, может совершаться во время вооруженных конфликтов не международного характера, а во-вторых, оно не провоцирует вооруженные конфликты, а является их негативным последствием. Логичнее было бы поместить эту норму в гл. 33 УК.

Оценивая наследие Петра Великого, уместно вспомнить и о его карательной политике в отношении воинских преступлений. Невозможно не признать, что она была чрезмерно жестокой: смертная казнь упоминалась в большинстве статей, причем в условиях круговой руки могла применяться и к невиновным («каждого десятого по жребию»). Тем не менее это наказание представляется вполне обоснованным за преступления, способные повлиять на исход сражения, а тем более — войны. И в обстоятельствах специальной военной операции на территории Украины постановка вопроса о применении смертной казни как исключительной меры наказания представляется достаточно актуальной. Когда страны НАТО и их не только европейские союзники наращивают свой военный потенциал с нескрываемой угрозой для России, а их агенты (в том числе из числа граждан РФ) устраивают диверсионные и террористические акты, самое время прибегать к экстраординарным мерам, в том числе и уголовно-правового характера.

Нет необходимости повторять опровержение аргументов противников смертной казни, приводимое ранее⁹. Но необходимо ответить на вопрос: есть ли непреодолимые формальные препятствия к восстановлению этого вида наказания в арсенале уголовно-правовых средств воздействия на преступность?

После чудовищного акта терроризма в концертном зале «Крокус Сити Холл» вопрос о смертной казни приобрел особую остроту. Российские политики самого

⁹ См. об этом: *Рарог А. И.* Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 6. С. 661—668 ; *Он же.* Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. 2024. № 1. С. 45—47.

высокого ранга тоже участвуют в обсуждении этой проблемы, причем занимая противоположные позиции¹⁰.

27 марта 2024 г. сенатор А. А. Клишас в телеграм-канале призвал прекратить спекуляции со смертной казнью, поскольку террористы, устроившие массовый расстрел в «Крокус Сити Холле», все равно не могут быть расстреляны. Его доводы: 1) террористический акт неподсуден суду присяжных; 2) за это преступление ст. 205 УК РФ не устанавливает смертной казни.

В позиции сенатора — явное смещение акцентов. Смертная казнь действительно не может быть назначена террористам, орудовавшим в концертном зале «Крокус Сити Холл», в соответствии с фундаментальным положением уголовного права о запрете обратной силы закона, отягчающего положение виновного. Но ведь речь идет не персонально об этих террористах, а в принципе о необходимости восстановить смертную казнь как исключительную меру наказания. И даже в случае восстановления смертная казнь должна назначаться далеко не во всех предусмотренных законом случаях, а только в виде исключения, когда лишение свободы было бы с учетом всех обстоятельств недопустимо мягкой мерой.

Доводы А. А. Клишаса некорректны. Во-первых, смертная казнь по действующему закону может быть назначена не за террористический акт (ст. 205 УК), а за убийство (ч. 2 ст. 105 УК). Во-вторых, дела об убийстве при отягчающих обстоятельствах подсудны суду присяжных, который вправе рассматривать и дела террористов, если они совершили убийство (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК). Следовательно, применение смертной казни к террористам с соблюдением положений ч. 2 ст. 20 Конституции РФ возможно даже без внесения изменений в санкцию ст. 205 УК РФ.

Представляется, что для применения смертной казни в России никаких непреодолимых формальных препятствий не существует. Такая возможность предусмотрена в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ и в ст. 59 УК РФ. Сохранение или упразднение этой меры уголовного наказания — вопрос не правовой, а политический. Для полной правовой ее обоснованности следует:

- 1) дополнить Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» указанием на Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 8 апреля 1983 г.;
- 2) принять постановление Конституционного Суда РФ об изменении (после принятия определения № 1344-О-Р) конституционно-правового режима в связи с агрессивной политикой стран НАТО и их союзников по отношению к Российской Федерации, многочисленными актами диверсионной и террористической деятельности, представляющими серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации и ее граждан, и необходимости временного применения наказания в виде смертной казни в соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 Конституции РФ;
- 3) исключить п. «б» из ч. 3 ст. 205 УК РФ (в этом случае убийство, совершенное в процессе террористического акта, будет квалифицироваться по совокупности

¹⁰ За возвращение смертной казни высказывались В. В. Володин, С. М. Миронов и другие депутаты Государственной Думы, против — председатель Верховного Суда РФ И. Л. Подносова.

ст. 205 и ч. 2 ст. 105 (п. «е» и др.), что создаст возможность назначения смертной казни для террористов.

Сохранив смертную казнь в санкциях пяти статей УК РФ, целесообразно включить эту меру наказания в санкции ст. 275 УК РФ и предлагаемой нормы о сдаче неприятелю укрепленных районов, вооружения, морских и воздушных судов, другой военной техники, с тем чтобы иметь возможность реального применения этого наказания в особо тяжких случаях, представляющих серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аветисян С. С.* Соучастие в преступлениях со специальным составом. — М., 2005.
2. *Алексеев В. А.* Соисполнительство в воинских и других преступлениях со специальным субъектом // Правоведение. — 1991. — № 2.
3. *Ахметшин Х. М.* Советское военно-уголовное законодательство. — М., 1972.
4. *Возьный А. Я.* Соучастие в преступлениях, посягающих на уставные правила взаимоотношений и личность военнослужащих // Информационный бюллетень Вооруженных Сил. — 2002. — № 4 (184).
5. *Евтушенко С. Г.* Правовое обеспечение военной безопасности России : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000.
6. *Зателепин О. К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: вопросы теории, законодательства и практики // За права военнослужащих. — 2009. — Вып. 106.
7. *Зателепин О. К.* Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.
8. *Золотарев В. А.* Военная безопасность России: политико-правовые проблемы : дис. д-ра юрид. наук. — М., 1999.
9. *Малахов И. П.* Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1960.
10. *Меньшагин В. Д.* К вопросу о соучастии и стадиях развития преступления по советскому военно-уголовному праву // Труды ВЮА. — 1943. — Вып. 3.
11. *Рарог А. И.* Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16. — № 6.
12. *Рарог А. И.* Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. — 2024. — № 1.
13. *Смердов А. А.* Квалификация соучастия в воинских преступлениях, совершенных путем насилия над военнослужащими // Вопросы совершенствования законодательства об уголовной ответственности военнослужащих : материалы 10-го теоретического семинара, проведенного на военно-юридическом факультете 23 января 1989 г. / Военный институт. — М., 1991.
14. *Сухондяева Т. Ю.* Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII — начало XX вв.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006.

15. Туркин А. А. Воинские преступления в «Артикуле воинском» Петра Великого // Ученые записки ДЮИ. — Ростов н/Д, 2005. — Т. 28.
16. Фаргиев И. А. Некоторые вопросы соучастия в преступлениях против военной службы // Судебная власть : сб. науч. статей профессорско-преподавательского состава Ростовского филиала Российской академии правосудия и судей Ростовского областного суда, Арбитражного суда Ростовской области, Северо-Кавказского окружного военного суда. — Ростов н/Д, 2007.
17. Шахов А. А., Лепетун К. С. Квалификация действий лиц, не являющихся военнослужащими, при совершении воинского преступления // Право в Вооруженных Силах. — 2007. — № 8.